

Глеб Иванович Успенский

Трудами рук своих

Скучающая публика

Глеб Успенский
Трудами рук своих

«Public Domain»

1884

Успенский Г. И.

Трудами рук своих / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1884 — (Скучающая публика)

В статье «Трудами рук своих» Успенский затрагивает вопрос о дальнейших путях развития России. <...> Развивая в своей статье мысль о том, что капиталистические формы жизни уродуют человека и потому «негодны, непривлекательны, не возбуждают аппетита», Успенский выступил против общественного разделения труда. Свою точку зрения он подкреплял ссылками на работы публициста (Н. Михайловского), художника слова (Л. Толстого) и простого крестьянина (Т. Бондарева), в которых давалось противопоставление «форм жизни нашего крестьянства» формам жизни, выработанным «цивилизацией», т. е. капитализмом. Статья Успенского в защиту натурального хозяйства, в котором крестьянин «сам удовлетворяет всем своим потребностям», вызвала горячие отклики современников. Критика обвинила писателя в желании повернуть историю назад...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глеб Иванович Успенский

Трудами рук своих

1

В последних строках предыдущего очерка я обещал познакомить читателя, томящегося решением вопроса: «како жить свято?» – с одной рукописью, написанною крестьянином, в которой как бы «брезжит» нечто, отвечающее на этот многосложный и многотрудный вопрос. Рукопись эта будет представлена читателю в настоящем очерке, но я боюсь, что она не произведет на него такого впечатления, какое я желал бы, чтоб она произвела; я боюсь, что читатель (конечно, именно только такой читатель, который не чужд мыслей о том, *како жить свято?*), истомленный действительностью, повидимому неопровержимо доказывающей ему каждую секунду и долгие, долгие годы подряд, что свято жить нельзя, а надобно жить не свято, – боюсь, что этот читатель набросится на эту рукопись, в которой обещан ответ на мучительный вопрос, с жадностью и алчностью утомленного, чрезмерно уставшего человека и, как всякий уставший и проголодавшийся человек, которому кажется, что он съест быка, не съест с должным аппетитом и того маленького кусочка, который ему предлагают. «Кусок», который предлагает рукопись крестьянина, не велик, но в нем есть действительно подлинные питательные свойства – надобно только потребить его не с азартом жадности, а «поотдохнувши», не торопясь глотать его сразу.

Вот именно в видах того, чтобы читатель съел этот кусок полностью, с аппетитом, ощутил бы его доброкачественность и оригинальность вкуса, мне и необходимо не давать его читателю сейчас, «с устатку», и попросить его поотдохнуть немного на некоторых предварительных соображениях. Эти «предварительные соображения» делаются мною, между прочим, на основании выводов и наблюдений, сделанных на тему настоящего очерка уже другими русскими писателями, так что предлагаемый очерк есть работа компилятивная.

В том же предыдущем очерке мною было сказано, между прочим, что наша интеллигентная скушающая публика потому именно «влачит» бесплодно и тускло, свое существование, что волею судеб для нее уже выработаны формы существования, что она должна принимать их готовыми, что эти готовые формы заменяют ей силу самостоятельной мысли: не приходится думать, когда уже вперед известно, как пойдут твои дни и годы. Но, принимая волею судеб надвигающиеся готовые формы жизни с совершенно готовым содержанием, русский интеллигентный человек сам по себе не может не видеть, не чувствовать, что все это готовое – не ладно, не гармонично, не чисто и вообще «не так». Как человек *свежий*, то есть не принимавший ровно никакого участия в создании тех форм жизни, которые он должен принять готовыми, он в то же время принимает также в готовом виде и критику этих форм, и, еще не живя в них, не пробуя их, он уже с совершенною ясностью видит, что они негодны, непривлекательны, не возбуждают аппетита.

В самом деле, можно ли ему быть искренним в уважении и в интересе к оригиналу тех сторон жизни, которые он обречен только копировать? Оригинал этот – европейская жизнь, как видит всякий, не блещет особенно привлекательными сторонами и решительно никого не может убедить, что оригинал этот – совершенство и последнее слово. Мне невозможно вдаваться в подробности несовершенства настоящей минуты, переживаемой оригиналом, но, чтобы читателю была видима самая суть этих несовершенств, я позволю себе указать хотя на последние выборы в европейские парламенты, так как *суть* (необходимая нам для нашей цели) выражается в них весьма рельефно: беспрестанные стычки и даже драки, брань, ссора, ожесточенная борьба партий никогда с такою силою не проявлялись на собраниях, предшествовав-

ших выборам, как в последние месяцы. Не слышно никаких теоретических разговоров, – по этой части все уж переговорено, – а дерутся и ругаются, срамят и стремятся втоптать в грязь друг друга группы людей, не имеющие между собой *ничего общего*. И вот этим-то *ничего не имеющим общего* между собою группам людей, на которые распалось европейское общество, предстоит выбрать правительство, блюдущее интересы *всех*, хотя у *всех* интересы совершенно различные: у капиталиста – не те, что у рабочего, у духовенства – не те, что у республиканцев, у земледельцев – не те, что у землевладельцев... Немудрено, что, например, господину Гриви¹, стоящему «во главе» такого правительства, не остается другого занятия, как кормить по несколько раз в день свою утку и отделяться ничего не значащими фразами от требований всех партий, так как интересов одной нельзя удовлетворить, не нарушая интересов другой, а эта другая, как и третья, и пятая, стремится выдвинуть свои интересы непременно на первый план.

Но никакой отдельный человек, отнятый от этого муравейника, не скажет вам, что он счастлив, что ему легко, что он уверен в завтрашнем дне. Ни рабочий, ни капиталист, ни землевладелец, ни купец, ни военный, ни ученый и т. д. – никто не скажет, что он не нуждается в том, чтобы какой-нибудь из его перечисленных соседей не был притиснут к стене, для того чтобы его благополучие было вернее обеспечено, и что, следовательно, каждый из них, то есть каждый из миллионов жителей, населяющих страну, при настоящих условиях жизни, складывающейся на подобие пчелиного улья, не может чувствовать себя уравновешенным с окружающей средой и, следовательно, личное его существование не полно, не независимо, не светло и, следовательно, не счастливо.

В видах того, чтобы читатель мог оценить значение того простонародного произведения, с которым мы хотим его познакомить, нам желательно обратить особенное его внимание именно на эти две резкие черты, характеризующие оригинал тех форм жизни, которые уж томят русского человека: в глубине этих форм томится личность человеческая, томится человек, на умалении которого и зиждется «порядок» теперешнего «общества». Но порядок этот совершенно не отвечает окованной его цепями личности, и то, что грезится ей как справедливое, может быть превосходно выражено несколькими строками, взятыми нами из сочинения Н. К. Михайловского и касающимися мечтаний о таких условиях человеческого существования, среди которых личность человеческая могла бы найти полноту своего существования, не нарушая полноты существования общества; вот эти строки, определяющие прогресс: *«прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами (неделимого) и возможно меньшему разделению труда между людьми»*.

В четвертом томе сочинений Н. К. Михайловского читатель найдет обширную статью: *«Что такое прогресс?»*, которая выведет его сбиваемую с толку мысль на настоящую дорогу, к настоящему свету. Мы не можем делать больших выписок из этой статьи, так как выяснению вышеприведенного положения посвящены почти пять томов этого писателя, так что теряешься в обилии блестящих страниц и не знаешь, которую из них предпочесть перед прочими. Ограничимся поэтому только теми строками, в которых формула прогресса г. Михайловского излагается в самом сжатом виде. На основании этой формулы, *«безнравственно, – говорит г. Михайловский, – несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение (то есть приближение неделимого к целостности). Нравственно, справедливо, разумно и полезно*

¹ ...господину Гриви... – Гриви Жюль (1807–1891) – французский политический деятель, в 1879–1887 годах был президентом французской республики. Отличался изворотливостью в примирении враждебных партий. В 1886 году в «Письмах с дороги» (письмо четвертое) Успенский писал, что Гриви «обязан за те деньги, которые ему платят, сохранять равновесие среди бесчисленного множества разнообразно мыслящих партий». В тексте данной статьи Успенский намекает на бытовую деталь из жизни Гриви.

только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов».

Прилагая ее к настоящему моменту жизни человеческих обществ и выделяя из них *личность человеческую, неделимое*, мы не можем не видеть, что неделимое не может похвалиться «целостностью» своего существования. Напротив, в каждом человеке каждой общественной группы, из соединения которых образуется благообразие пчелиного улья, нет гармонии в развитии его личности, нет разнородности в деятельности членов его организма; напротив, он, *целый человек*, живет только *частью* себя, сам сделавшись *членом* общественного организма. Труд разделен «между людьми», а не «между членами организма человеческого». Рабочий только стоит у станка или у горна и стучит всю жизнь молотом, проститутка всю жизнь должна быть весела и пьяна и т. д. Все исполняют какую-нибудь специальность, не дающую возможности жить специалисту другими сторонами человеческого духа и тела, и все не могут считать себя счастливыми. «Попробуй-ка моего!» – может сказать человек всякой современной профессии, и всякий в то же время не может существовать без посторонней помощи, всякий эксплуатирует всякого и в свою очередь эксплуатируется всяким. Рабочий, священник, инженер, балетная танцовщица, ученый и т. д., поставленные в положение, при котором их специальности оказываются ненужными, не требуются, не покупаются, – должны *сгинуть*, пропасть от своей беспомощности, и вообще никто из них не может *сам удовлетворять всем своим потребностям*, а, напротив, удовлетворяя какую-нибудь ничтожную общественную потребность, *сам-то* в удовлетворении всех своих потребностей требует посторонних услуг таких же, как и он, микроскопических специалистов.

Выражение «*сам удовлетворяет всем своим потребностям*» принадлежит гр. Л. Н. Толстому; употреблено оно им как характеристика форм жизни нашего крестьянства, в отличие от форм жизни, выработанных «цивилизацией», и, как мы думаем, характеристика эта окончательно рассеивает всю ту тень, и туман, и муть, которые в литературных спорах окружают толки о народе и цивилизации, о России и Европе. Упомянув в одной из своих педагогических статей о мнении Маколея², что благосостояние рабочего народа измеряется высотой заработной платы, гр. Толстой спрашивает: «Неужели мы, русские, до такой степени не хотим знать и не знаем положения нашего народа, что повторяем такое бессмысленное и ложное положение? Весь народ, каждый русский человек без исключения назовет богатым степного мужика, с старыми одоньями хлеба на гумне, никогда не выдавшего в глаза заработной платы, и назовет несомненно бедным подмосковного мужика в ситцевой рубашке, получающего постоянно высокую заработную плату. Не только в России невозможно определить богатство степенью заработной платы, но смело можно сказать, что появление в России заработной платы есть признак уменьшения богатства и благосостояния». А в другом месте той же педагогической статьи гр. Толстой говорит: «Чтобы человеку из русского народа полюбить чтение Пушкина или историю Соловьева³, надо этому человеку перестать быть тем, чем он есть, то есть человеком независимым, удовлетворяющим всем своим потребностям». Пушкин и Соловьев здесь поставлены только как признак нужды духовной, которую оказывается невозможным удовлетворять самому, как и в предшествовавшем примере указаны признаки материальной нужды: раз человек теперь, в настоящую минуту, удовлетворяет всем своим потребностям как материальным, так и духовным, он вполне независим, и делается зависимым, то есть несовершенным, удаляется от целостного типа только тогда, когда не может *сам* удовлетворять себя во всех своих потребностях. Как видите, ту формулу прогресса, которую делает г. Михайловский путем научным, гр. Л. Н. Толстой, к нашему, то есть русскому огромному счастью, видит

² Упомянув... о мнении Маколея... – Маколей Томас (1800–1859) – английский либеральный историк.

³ ...полюбить чтение Пушкина или историю Соловьева... – Имеется в виду «История России» известного историка С. М. Соловьева (1820–1879).

даже осуществленной в глубинах наших народных масс, и его выражение: *сам удовлетворяет всем своим потребностям*, сказавшееся после глубокого и искреннейшего изучения русского народа, вполне отвечает теоретическому выводу г. Михайловского: «нравственно, справедливо, разумно все то, что уменьшает разнородность общества (разнородность между профессиями людей), усиливая тем самым разнородность его отдельных членов», то есть соединяя эти разрозненные профессии в каждом человеке, то есть делая для каждого возможным удовлетворять всем своим потребностям.

Повторяем: эта формула и этот вывод, сделанный гр. Л. Н. Толстым относительно формы жизни русского народа, окончательно решают вопрос как о том, что вообще нравственно, разумно, справедливо, так и о том, что такое Россия, Европа, народ и цивилизация. Стоит только эти выводы приложить к любому рассуждению о благе русского народа, чтобы немедленно убедиться, точно ли рассуждающий желает народу блага, точно ли *он понимает*, в чем оно заключается, *точно ли он любит* его или только галдит о нем и без толку бормочет о России и Европе, о народе и цивилизации.

В томе III «Сочинений Н. К. Михайловского»⁴ читатель найдет превосходный пример применения этой формулы прогресса к учению теперешнего славянофильства, которое, как всем известно, десятки лет твердит о народе и хлопочет о широком развитии его духа. В № 4 газеты «День» 1865 г. была напечатана статья «Зигзаги и арабески русского домоседа»; из нее-то Н. К. Михайловский делает следующую выписку: «Всяким довольством обильна, величавым покоем полна, текла когда-то старинная дворянская жизнь домоседская: мед, пиво варили, соленья солили и гостей угощали на славу – избытком некупленных, богом дарованных благ. И этой спокойной жизни не смущала залетная мысль, а если подчас бушевала кровь застоялая – пиры и охота, шуты и веселье разгулом утоляли заволновавшуюся буйную кровь». Затем идет описание запустения дворянской жизни, и, не меняя былинного языка, автор приходит к выводу, что в России нужны новые железные дороги, новые финансовые предприятия, деньги с которых опять оживят жизнь домоседскую. «Не старцев, калик переходящих, ждет томящийся избытком богатств избыточных южнорусский край; ждет он железного пути от середины Москвы к Черному морю. Ждет его могучего свиста древний престольный город Киев; встрепенется, оживет в нем старый русский дух богатырский; воссияют ярким золотом потемневшие златоглавы церкви и звонче раздастся колокольный тот звон, что со всех концов земли русской утомленные силы, нажитое, накопленное горе – ко святым пещерам зовет, облегчение, обновление дает. Торный, широкий след проложила крепкая вера нетронутая, да тяжелая, жизнью вскормленная скорбь народная к городу Киеву. Но на перепутье другом создали силы народные новый город Украины, Харьков торговый; бьет ключом здесь торговая русская жизнь, север с югом торговлю ведет и *стремятся сюда свежие ретивые русские рабочие силы* к непочатым землям Черноморья и Дона, к просторным степям, к Крыму безлюдному, что стоном стонет, рабочих рук просит. Томятся, ждут города и земли – к кому (к Киеву или Харькову) направится новый желанный путь, кому дастся сила, кому бессилие?» К этому редакция «Дня» делает такое примечание: «Моря и Москвы хочет достигнуть Киев; пуще моря нужна Москва Харьков; Киеву – первый почет, да жаль обидеть и Харькова. Или Русь-богатырь так казной-мошной отошала, ума-разума истеряла, что не под силу ей богатырскую, не по ее уму-разуму за единый раз добыть обоих путей, обоих морей, железом стянуть до Черного через Киев-град и Азовское на цепь к Москве через Харьков взять, чтобы никому в обиду не стало?» За исключением мнения, будто бы Азов-град обидится, если его по примеру прочих мест не посадят на цепь, – что же тут, спрашивается, русского, народного, что тут «не Европа»? Богатырским языком здесь изложено, что желают учредить совершенно европейское финансовое предприятие; с гусярным звоном говорится о рабочих руках, то есть о рождении той самой

⁴ Стр. 213. (Прим. автора.).

заработной платы, которая не может появиться на Руси иначе, как вследствие упадка народного благосостояния. Кстати сказать, недавно вышедшая книга г. Янжула *«Фабричный быт Московской губернии»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.